

Разве не ты сказал, что я убью тебя из мести! Линь Цинъюй взглянул на него, и с широкой спины увидел белую фигуру, медленно идущую по противоположному склону холма.

Тигриный рев, раздавшийся в небе, заставил землю слегка содрогнуться и покачать огромной головой. Огромный белый тигр с висячими глазами медленно вышел из леса и встал в двадцати двадцати метрах от Дуоми, пара тигриных глаз, казалось, с презрением уставилась на них обоих.

"А что, здесь есть тигр?" Линь Цинъюй был потрясен, тигр! Такой большой тигр! Разве Цю Шоу не пришлось расчищать поле силами гвардейцев? Разве не ради безопасности знати сюда не пускают зверей? Как сюда попал такой большой тигр?

Чжао Иньфэн встал прямо, медленно вытащил свой поясной нож и сказал: "Если хочешь убить меня из мести, подожди до своего возвращения".

Осенний ветер пронесся мимо, и воздух наполнился вонью тигров. Линь Цинъюй пришел в себя и понял, что только что, под влиянием импульса, чуть не сорвал грандиозное событие. Убийство Чжао Иньфэна, конечно, умерило ее гнев, но, насколько она понимала, она повредила ногу. Как ей выбраться из этой долины, охваченной кризисом, было проблемой. На расстоянии это помогло Чжао Минляну решить большую проблему, хотя Чжао Иньфэн сказал, что он из семьи Чжао, но Чжао Минлян явно не считал человека с более высокой репутацией и заслугами семьей, и, судя по тому, что он сказал ранее, Чжао Минлян не сообщил ему напрямую о контакте с Сяо Суй, только то, что он уже почувствовал свое сердце к нему. Скрупулезно, и сам Чжао Иньфэн знал, что такие отношения определенно можно будет использовать в будущем.

Чжао Иньфэн сжал в руке поясной нож и сделал два шага вперед. Если обычно он и не был так осторожен, то только потому, что после сексуальной интрижки все еще находились в состоянии усталости, а его талия была не на месте, к тому же позади него был еще один.

Лично он не осмелился держать большого тигра, уставился на него шаг за шагом и немного отодвинулся.

Хотя большой тигр выглядит ленивым, пара тигриных глаз продолжает смотреть на него. Они также медленно сокращают расстояние между двумя сторонами. Когда расстояние между ними становится меньше десяти метров, голова поднимается. Раздался еще один свист, и две передние лапы слегка сжались под ним, а затем они подошли и метнулись к Чжао Иньфэну.

Когда Чжао Иньфэн увидел, что большой тигр бросился вперед, его фигура мелькнула и скрылась за большим тигром. Передние лапы большого тигра коснулись земли, а талия приподнялась. Тогда Чжао Иньфэн поднял задние лапы и оттолкнулся. Он скрутился, и резкая боль в пояснице на некоторое время остановила его движения. Большой тигр обернулся. Раздался еще один рев, и хвост тигра, похожий на железный прут, взметнулся вверх. Чжао Иньфэн не обратил внимания на боль в спине. Скользящие шаги мелькали мимо, большой тигр пронесся и пронесся, его импульс был просто исчерпан. Чжао Иньфэн не стал ждать, пока он повернет голову и вернется снова. Поясным ножом в своей руке он сильно разрубил **** большого тигра. Боль, зарывчав, развернулась и бросилась на Чжао Иньфэна.

Чжао Иньфэн выхватил свой нож, но нож застрял в заднице тигра, и он мог только отступить, но он уже не был так быстр, как тигр. Тигр повалил его на землю, в груди возникла резкая боль, и он подумал, что его схватил тигр. Взмах лапой - и сердце вспыхнуло. Не знаю, откуда взялись силы. Я схватил переднюю лапу тигра и поднял его прямо. Затем прокатился на спине

тигра, вцепившись в нее одной рукой. Другой рукой сжал шею тигра в кулак и ударил по ней.

Большой тигр торопливо боролся, но его крепко держала железная рука, а молотообразный кулак наносил удары, как кулаком. Он потерял силы бороться и не знал, что его бьют.

От такого количества ударов изо рта и носа пошла кровь, которая постепенно исчезла.

Чжао Иньфэн не знал, сколько ударов он нанес, только чувствовал в сердце смятение. Из-за смутно знакомых мыслей и ненависти, лежащей в центре, он отправил тигра к двери, как мешок с песком, то и дело ударяя по руке. Я не мог больше говорить об этом, только обнаружил, что большой тигр уже давно выдохся, превратившись в полотняный мешок, лежащий на земле.

Сделав несколько вдохов, Чжао Иньфэн поднял глаза и посмотрел на Линь Цинъюя. С первого взгляда он не понял, что его сердце разбито, и крикнул: "Будь осторожен!".

Линь Цинъюй был поражен, и, не думая ни о чем, подсознательно перекатился на землю, а затем вытащил короткий меч, который был у него в руке.

С горной стены вниз бросился тигр поменьше и с разинутой пастью укусил то место, где она сидела.

Линь Цинъюй подняла руку и натянула арбалет на запястье. Вылетело несколько маленьких стрел, но в панике она не успела правильно выставить голову. Маленькая стрела не попала в тигра, а наоборот разозлила его. Набросился на нее.

Глаза Чжао Иньфэна треснули, и, потеряв большого тигра, он бросился к нему, но слишком поздно, чтобы догнать, только увидел, как Линь Цинъюй втягивает голову, а затем тигр бросил его под брюхо.

Сделав несколько вертикальных шагов, Чжао Иньфэн подлетел к тигру, схватил его за шею, поднял на землю и собирался ударить. Его кулак хлопнул по телу тигра. Он почувствовал, что что-то не так. Тогда он присмотрелся и нашел сердце тигра. Как только он вставил кинжал, оба глаза побелели, и он умер.

Только тогда Чжао Иньфэн осмелился оглянуться на Линь Цинъю, увидел ее бледные и светлые глаза, сидящую задыхаясь, ее тело ослабло, и она упала на землю.

Чжао Иньфэн повернул голову и приготовился достать кинжал, Линь Цинъюй только крикнул, чтобы он не двигался, он уже вскрикнул от боли в руках, как от удара током.

Переместившись в сторону тигра, Линь Цинъюй вытянул руку и достал короткий меч. Меч оторвался от тела тигра, рана кровоточила, но крови на мече не было. Линь Цинъюй все еще вытирал меч юбкой. Вложил меч в ножны.

"Этот меч?" неосознанно спросил Чжао Иньфэн, рука, которую он держал, горела, но Линь Цинъюй, казалось, был в порядке.

"Это то, что Янь Сань оставил для меня". Линь Цинъюй ответила низким голосом, на коротком мече было дыхание Янь Саня и душа Янь Саня. В этот момент она на самом деле не знала, как реагировать, но меч в ее руке, казалось, обладал ею. Как духовное сознание, она свернула свое тело и повела рукой, чтобы вонзить кинжал точно в сердце тигра.

Ты все еще там? Янь Сань...

Янь Сань? Видя печаль и горе, внезапно появившиеся на ее лице, сердце Чжао Иньфэна дернулось, он повернулся лицом и уныло сказал: "Нам нужно выбирать".

Линь Циньюй собрал одежду, разорванную тигром, и взглянул на пять глубоких следов от когтей на груди Чжао Иньфэна. Подумав, он достал пузырек с лекарством и сначала натер им себя. Затем передал остатки Чжао Иньфэну.

Чжао Иньфэн взял лекарство, взял кусочек и протер им рану. Естественно, Линь Циньюй поднял голову и спросил: "Ты не боишься, что то, что я тебе даю, - яд?".

Чжао Иньфэн горько улыбнулся, бросил ей бутылочку с лекарством обратно и сказал: "Когда ты благополучно вернешься в Пекин, если тебе все еще нужна моя жизнь, я отдам ее тебе".

Закончив с багажом, Линь Циньюй поддержал камень, чтобы встать, огляделся и собрался идти вниз с горы.

Не успел он сделать и шага, как Чжао Иньфэн схватил его за руку и понес на спине.

Линь Циньюй перестала двигаться, у нее болела нога, и раз уж она решила использовать его, то бороться было незачем.

Прошло совсем немного времени, прежде чем он услышал, что перед ним кто-то есть. Чжао Иньфэн отложил Линь Циньюй в сторону, сжал в руке поясной нож и уставился в направлении голоса.

Стражники, вышедшие из леса, тоже были шокированы. Они пришли сюда, только услышав рев тигра, но никак не ожидали, что внизу есть люди.

Взглянув на утес, охранник во главе спросил: "Кто вы!". Охранник рядом с ним потянул его за руку и прошептал: "Это генерал Чжао!".

Приказав гвардейцам соорудить простые носилки, они вошли внутрь и вынесли два тигриных трупа. Группа людей ходила вокруг в течение получаса, прежде чем повернуть обратно на правильный путь. Прошло совсем немного времени, прежде чем они наткнулись на нее. Людей и лошадей, которых вел второй принц, отправили во дворец на лечение, как только заметили их появление.

Линь Циньюй хотел было сказать, что ехать не нужно. Я мог бы вернуться и сам втереть лекарство, но был задурен энтузиазмом второго принца. Хотя энтузиазм второго принца был направлен в основном на Чжао Иньфэна, мне это сейчас не на руку. Пойди, погладь лицо второго принца.

Хуа Цин прикрыл рот рукой, зевнул и крикнул служанке, которая рысью бежала из коридора: "Что ты бежишь? Что это за место такое, что вас можно беспокоить!"

Когда служанка подняла голову и увидела принцессу Хуацин, наполовину прислонившуюся к павильону за пределами коридора, она опустилась на колени с пыхтением и сказала: "Принцесса Ци, второй принц привез генерала Чжао и госпожу Ян обратно, и попросил слугу позвать императорского врача."

"Что? Скажи мне яснее!" Хуа Цин выпрямилась и спросила.

"Генерал Чжао и госпожа Ян столкнулись с тигром.

Я слышал, что хотя тигр был убит, они тоже были ранены. Второй принц принес их обратно. Генерал Чжао был в переднем зале, а госпожа Янь отправила их в задний зал". Дао.

Хуа Цин махнул рукой, и служанка поспешно убежала, заставив Хуа Цина неосознанно фыркнуть: "Но **** достойна внимания второго брата".

Вокруг него раздался смех, похожий на серебряный колокольчик, а гламурная женщина села и рассмеялась: "Что за гнев у твоей сестры? Ты не можешь по-настоящему посмотреть на нее. Разве не проще сделать так, чтобы ей стало стыдно?"

Хуа Цин повернулся и сказал с намеком на гнев: "Я бы заботился об этом классе людей, но я не могу видеть, как мой второй брат обращается со своей невесткой из-за этой стервы."

Женщина с улыбкой подняла брови, Цяньцяньюй погладила подбородок и невинно сказала: "Я слышала, что вы, чжоуцы, больше всего заботитесь о целомудрии женщин, но эта женщина не похожа на целомудренную особу, ах, я Ерунда, сестра, не возражай".

В глазах Хуа Цина вспыхнул яркий свет, он взял женщину за руку и улыбнулся: "Принцесса шутит. Кстати, мне нужно кое-что сделать. Я буду с вами позже".

Хотя это была всего лишь дворцовая апсида, она была чрезвычайно роскошной, он коснулся молочно-белой меховой подушки под собой, посмотрел на изысканную мебель, и на **** дам, стоящих по обе стороны дворца, Лин Цинью вздохнул.

Я несколько раз говорил, что со мной все в порядке, могу ли я вернуться, но мне преграждали путь евнухи и дворцовые дамы, а все мелкие раны на моем теле были туго перевязаны. Я ждал здесь так долго и не видел ни слова". Линь Циньюй смутно чувствовал какие-то нехорошие предчувствия.

Я винил в этом Чжао Иньфэна. Если бы я был один, второй принц не стал бы так усердствовать, поэтому я нашел кого-то, кто отправил бы меня обратно. Теперь меня отвезли в этот дворец, думая о том, что царицы и наложницы в гареме будут на меня в обиде. Здесь чисто, а сейчас здесь так холодно, что становится не по себе.

Рука подсознательно коснулась жемчужного браслета на запястье, сумки с кинжалом, Чжао Иньфэн помог ей нести его в то время, но теперь она не рядом с ней, если что-то случится, оружия не будет.

Я размышлял об этом, снаружи послышался смех, затем вошла группа женщин, которые разговаривали и смеялись, и все они были ошеломлены, когда увидели Лин Циньюя.

Линь Циньюй тоже был ошеломлен. Прежде чем обе стороны смогли выразить что-либо в будущем, они услышали громкий женский голос: "Доктор Ван, вы не можете говорить глупости об этом. Генерал Ян погиб в сражении в апреле. Как миссис Янг могла иметь три месяца? беременность".

В апсиде стояла мертвая тишина, а женщина, которая громко говорила, уже вошла, за ней следовал мужчина в форме имперского врача.

Глядя на гордое улыбающееся лицо Хуа Цин, глаза Линь Циню стали совершенно холодными.

"Его Королевское Высочество, низшие чиновники не говорили глупостей. Я боялся, что ошибся. Я также попросил лорда Чжоу собрать пульс, но она была на третьем месяце беременности". Врач Ван склонил голову.

"Это невозможно". холодно сказал Линь Цинъюй.

"Госпожа, прошло более десяти лет с тех пор, как я ходил к врачу, как я могу неправильно понимать такие вещи?" Доктор Ван посмотрел на Линь Цинъюй с сердитым выражением лица.

"Как могла Куйшуй, к которой я только что пришел, быть беременной несколько дней назад?" Голос Линь Цинъюй был ровным и холодным, как нефрит, но он изменил лица дам от шока к еще большему шоку.

Доктор Ван поперхнулся и бессознательно посмотрел на принцессу Хуацин.

"Конечно, вы собираетесь сказать это. Можете ли вы все же признать, что вы не беременны?" Хуа Цинцин улыбнулась, затем подбежала к передней части группы благородных дам, взяла ее за руку и улыбнулась: "Мама, ты смотришь на такого человека, это звучит так высокопарно, но на самом деле это просто ****".

"Хуацин!" гневно воскликнула Ван Гуйфэй: "И это все, что ты можешь сказать?". Ее сердце начало быстро вращаться.

Дочь, должно быть, подставили, но сейчас на защиту встала только дочь. Более того, как только эта женщина будет наказана с репутацией нечистой, то старая часть Ян Чжао в Хэйшуйгуань также откажется от нее, так что она не Какой ущерб это нанесет императору, это действительно хороший способ.

С определенным умом царская наложница Ван сказала императору Вану: "Что происходит, может ли император осторожно поговорить об этом?"

"Ци, Нянь Нянь, следующий чиновник был вызван вторым принцем, чтобы показать травму госпоже Ян. Видя, что она упала с высоты, я беспокоился, что она могла повредить внутренние органы, поэтому я прощупал ей пульс и сердце. Позже нижний чиновник хотел поздравить госпожу Ян, но вспомнил, что муж госпожи Ян был убит в апреле. Поскольку он боялся, что может ошибиться, он специально позвонил мастеру Чжоу, чтобы убедиться, что у него такое же мнение, как и у нижнего чиновника. Это дело очень трудно передать низшим чиновникам, поэтому они сказали принцессе в ответ".

Вас вызвал второй принц. Если тебе есть чем заняться, ты должен доложить об этом второму принцу или королеве. Ты должен доложить об этом принцессе? На губах Ли Фэй мелькнула усмешка.

"Госпожа Ян, нет, Линг!" сурово крикнула Ван Гуйфэй: "Двор уважает генерала Яна и благосклонно относится к вам. Как вы можете так поступать? Идем!"

"Подождите!" Линь Цинъюй встал, взмахнул своими длинными рукавами и сказал: "Только со слов императорского врача, императрица осудит меня?".

Наложница Ван была ошеломлена. Она не ожидала, что та осмелится встать и отвернуть свой рот. Она была в ярости и сказала: "Почему, этот дворец не может осудить тебя? Есть два врача Ван и Чжоу, оба они здесь. Я нахожусь в больнице уже более десяти лет, и никогда не скучала. Возможно ли, чтобы даже сердцебиение было неправильным? Это ты, генерал Ян так плохо с

тобой обращается. Достояна ли ты генерала Яна? Иди сюда, Сан Чи Бай Линг.

!"

В апсиде было много столов, на некоторых из них лежали фрукты, а рядом стоял маленький фруктовый нож. Лин Цинъюй наклонился, взял фруктовый нож в руку и сказал глубоким голосом: "Нианг, подожди."

Хотя фруктовый нож в ее руке маленький и изысканный, свет ножа все еще пугал дам, и Хуа Цин крикнула: "Убийца! Здесь есть убийцы!"

"Вы должны знать, беременна ли я, есть лучший способ, чем императорский врач, чтобы определить пульс", - Лин Цинъюй слегка улыбнулся, перевернул фруктовый нож к своему животу и сказал: "Пока я разрезаю живот и достаю матку, я вижу, что плода нет, трехмесячный плод уже виден. Что, мать, можешь со мной поспорить? Если да, то, естественно, тебе не придется тратить свой трехфутовый белый шелк. Если нет, то можешь подумать о том, как ты хочешь быть похожей на мир. Кто-нибудь объяснит?"

Как только прозвучали эти слова, не только лица знатных дам побледнели, но и лица евнухов и дворцовых дам, которые собирались **** их, побледнели.

"Ты... вздор! Ты... есть... смелость..." Хуа Цин дрожащим голосом позвала.

"Если Няньнян готов стать Дачжи, то Линьмоу не побоится стать спиной Бигана". С этими словами Линь Цинъюй подтолкнул фруктовый нож к своему животу и улыбнулся: "Как, Нианьян, азартно?".

"Ты отрезал!" Видя, что губы Ван Гуйфэй дрожат, но не издают ни звука, Ван Хуэйлань, стоявшая позади нее, шагнула вперед и сказала: "У тебя совсем нет мужества, что ты можешь сказать?".

Линь Цинъюй, не говоря ни слова, направил фруктовый нож на свою нижнюю часть живота, а затем ткнул им внутрь. У фруктового ножа короткое лезвие, и она не прикладывала слишком много усилий. Она воткнула только кончик ножа, но боль уже заставила ее выдохнуть. Ин Цзю нахмурилась, и в этот момент у нее промелькнула сцена, как Ин Цзю три раза подряд ударила себя ножом, поэтому она была готова снова применить силу и усилить свое запугивание.

Просто когда она только что вонзила нож, когда белая одежда окрасилась в красный цвет, дамы уже кричали. В этот момент они закричали еще сильнее, когда увидели, что она собирается прийти снова. Несколько придворных дам, стоявших рядом, поспешно бросились наутек. Выскочили вперед, чтобы схватить нож для фруктов в ее руке.

"Королева здесь!" раздался крик, и апсида внезапно опустила голову, приветствуя королеву салютом.

Увидев сцену во дворце, императрица Донг также была ошеломлена, затем вернула себе лицо и спросила: "В чем дело?"

"Нианг!" Перед наложницей Ван, Линь Цинъюй громко сказала: "Пожалуйста, будьте справедливы к императрице! Два императорских врача только сплюнули, сказав, что наложница беременна, и наложница спорила с императорской наложницей, но императорская наложница настаивала на том, что сказал императорский врач. Это правда, но это невозможно.

У наложницы не было другого выбора, кроме как сделать этот шаг, поэтому он разрезал живот и показал его всем. В животе у наложницы был трехмесячный плод. Поскольку наложница должна была стать отцом, она пришла проверить его. Однако, если у наложницы нет плода в животе, прошу также императора дать объяснение людям всего мира!"

Императрица Дун отвела взгляд, увидев изворотливые глаза Хуацин и покрасневшее лицо наложницы Ван, она догадалась, что творится в ее сердце. Увидев, что наложница Ван сдулась, она, естественно, обрадовалась. Она улыбнулась, собираясь заговорить, но не успела. Принцесса Хуаянь рядом с ней сказала: "Мама, словам императорского доктора нельзя не верить, и эта особа действительно держит оружие в этом дворце, и ничто иное, как неуважение к королевской семье. Если императрица не оштрафует ее на 20 придворных, как наказание".

Брови Ли Фэя бессознательно подскочили. Эта Хуа Янь, она умнее или глупее? Спуститься вниз с двадцатью придворными жезлами, если она беременна, ее, естественно, убьют, тогда вопрос с Лин Цинъюй **** будет решен.

Если его нельзя напечатать, значит, Ван Гуйфэй и принцесса Хуацин подставлены, а Лин Цинъюй держит оружие в апсиде. Хотя это был такой фруктовый нож, не обладающий смертоносностью, такое наказание действительно можно было назначить. Двадцать придворных жезлов говорили: больше - меньше, меньше - меньше, хорошо бить людей, и для нее это считалось бы отдушиной. Однако она не ожидала, что если королева Донг поможет ей в это время, то она, естественно, сможет позволить жителям Хэйшуйгуань держаться подальше от второго принца и быть привлеченными семьей Донг? Хотели бы вы иметь такой упрямый необузданный Двадцатый Посох?

<http://tl.rulate.ru/book/15727/2536099>